

О ПЯТЬ вспоминается мне эта записка. Я получил ее во время обсуждения фильма «Доживем до понедельника» в одной школе. «Генка Шестопалов у вас не типичный, — говорилось там, — он поэт. Поэты счастливые. У них скуки не бывает, у них переживания. А как быть тем, кому просто скучно?». Для меня эта записка звучит и печально, и обнадеживающе. Обнадеживающе потому, что в ней явственно ощутима та называемая белая зависть, которая сама по себе есть творческий импульс. А почему печально — надо ли объяснять?

...Беспокоит меня один парень. Для меня он единственный, ибо это образ. Но у него немало близнецов в жизни. Он клиент детской комнаты милиции и коновод дворовых хулиганов. Это началось с детства, такая многогрешная репутация тянется за ним по сию пору, до семнадцати лет. Правда, из многих «художеств», которые числятся на его счету, большую часть он осуществил чужими руками, руками своих приятелей, своих «подчиненных».

Он хотел бы стать знаменитым, сорвать звезду с неба. У него дома на стенке — коллекция фотографий, целая выставка. Здесь прорыв Пеле к воротам, и дымчатые очки Цыбульского, и Касиус Клей на ринге, и генеральный конструктор Королев, и академик Ландау. Кумиры. Как добиться их славы? Если спросить моего героя о видах на ближайшее будущее, он ответит, что не прочь заняться теоретической физикой или поступить на факультет журналистики, или во ВГИК. Но труд, необходимый для этого, утомляет его заранее. Этакая диспропорция между желанием и усилиями, необходимыми для их достижения. А пока сферой его «славы» остается двор и райотдел милиции. Он остроумен и желчен, этот парень.

И вот я думаю: нельзя ли в жадном честолюбии этой натуры, в самом беспокойстве ее найти позитивное? Ведь проделки, которыми он грешил, самому уже опостытели. На что тут возложить надежду? На армию? На перевоспитание трудом? На первую любовь? Или, может быть, на искусство, на мой будущий фильм, который адресован таким, как он? Вот пишу я об этом парне и очень хочу верить, что обновление это состоится, произойдет.

Порой мне кажется, что я взвалил на себя тему настолько трудную, что это может показаться заносчивостью. Тема эта — воспитание

воспитателей. А кто я такой, чтобы воспитывать их? Недавний студент пединститута, всего около трех лет проработавший в школе. Но у искусства свои привилегии. В нем живет идея человека, каким он должен быть, представление о нравственной норме, о той гармонии внутри человека и между людьми, к которой стремится наше общество. Образ моего экранного героя и исследование его опирается на эти самые представления. Принадлежат они не мне одному. Они выработаны лучшими умами человечества, совпадают с нормами

хорошо вынести на этот суд самого себя, свои юношеские поэтические и любовные «бредни», свои честолюбивые утопии, свои суждения о людях и о жизни. И пусть тот человек непременно подержит хоть что-нибудь из этого. Пусть он поможет тебе уверовать в собственную состоятельность. Пусть даст тебе повод для самоуважения. Если этого не случится, в юной душе образуется опасная брешь, повинная в утечке тех ценностей, которыми жив человек.

Учитель по профессии просто обязан быть таким. Казалось бы, это бесспорно.

тании воспитателей мы заботимся еще очень мало.

Идет обсуждение фильма «Перевод с английского». Я бывал на многих диспутах по поводу предыдущего фильма, и меня как тогда, так и теперь настораживает в высказываниях некоторых ребят одна особенность: неумение (а может быть, опасение?) выразить свою мысль своими словами. Целые блоки словесных штампов, а значит, и штампов мысли.

Фильм учит всегда быть правдивым, не обманывать, бубнит на обсуждении, глядя

ли прошлого остаются для наших ребят мертвыми схемами, когда оценки и ярлыки заслоняют живое восприятие судеб, поступков и страстей. Они привыкают к такому образу мышления и из прошлого переносят его на современность. Самый страшный вирус рождается от этого — вирус равнодушия.

Ловлю себя на том, что расхотелось изображать учителя — догматика, рутинера. Есть ощущение, что зритель сегодня ждет другого. Нужен такой учитель на экране, который заставит своих

Я С НОВА ПИШУ О ШКОЛЕ

Георгий ПОЛОНСКИЙ,
кинодраматург

Однако же наш с Росточкин фильм насторожил, чуть ли не обидел того учителя из Белоруссии. «Из вашей картины, — писал он, — следует

в пол, один семиклассник. Позволь, милый, спохватываюсь я, может быть, это и нехорошо с нашей стороны, но наш фильм не учит это-

коллег в кинозале нравственно и профессионально подтянуться, чтобы выдержать трудное сравнение перед ребятами... Нет, нет, не об эталоне педагога идет речь. Эталоны никого не волнуют в искусстве, пусть они лежат в палате мер и весов под стеклянными колпаками, в вакууме. Я говорю о живых людях — о тех, у кого мне повезло учиться, о тех, с кем довелось встретиться недавно. Например, на уроках литературы Зинаиды Николаевны Кулаковой из 201-й московской школы ребята постигают не только социальную функцию, но и живую прелесть искусства, и есть уверенность, что они самостоятельно мыслят. И если я сам уберусь от этой мертвечины — в этом немалая заслуга Анны Константиновны Щуровской, директора моей школы, других прекрасных учителей... Хорошо, если можешь вспомнить и запоздало поблагодарить снова такого учителя...

Я снова пишу сценарий о школе. Казалось бы, мне давно уже должно стать тесно в этих местах действия: класс, коридор, актовый зал, учительская, спортзал... Но я готов пожертвовать чисто кинематографической выразительностью ради существа дела. Ради пристального исследования тех нравственных коллизий, которые возникают здесь. Потому что от их содержательности и от их разрешения зависит, как мне кажется, все. Школа сегодня — это общество в целом, каким мы увидим его завтра.

И я снова пишу сценарий о школе.

вывод, что всякий педагог должен во что бы то ни стало быть талантливым. Но ведь талант, как известно, — редкость. Как же вы собираетесь решать эту проблему в народнохозяйственном плане? Как же вы добьетесь, чтобы педвузы выпускали целые косяки талантов? Вот такое письмо. Но и после него я считаю, что талант является непреложным атрибутом учительской профессии. Что первый признак этого таланта — любовь к детям. Что артистизм, широта мышления, чувство современности, увлеченность своим предметом, высота личного нравственного облика необходимы учителю так же, как вынятная дикция и разборчивый почерк. Разве так уж редки в людях эти качества? И не только у тех, чья профессия учитель. Просто я ишу их у людей мне особенно близких, у своих коллег: я ведь пришел в кинематограф из школы. А что касается таланта — так этим высоким словом, видимо, следует называть особенно яркую меру проявления этих человеческих качеств, без которых нет воспитателя. И если я постоянно напоминаю об этом своими фильмами, так это потому, что о воспи-

му, вернее, он не этому учит! В нем ведь рассказана история про фантазера, на которого разгневался класс. И хотя мы, авторы, понимаем возмущение этих правдолюбив, мы не можем не сочувствовать нашему маленькому лгунишке и совсем не солидарны с той жестокостью, которая обрушилась на него. Я уверен, что четырнадцатилетний оратор, обсуждающий фильм, все это чувствует. Он понял гораздо больше, чем позволяет себе выразить. Он знает наперед, что «правильный» фильм должен быть против обманщиков, и он боится поверить своим ощущениям.

Еще очень живуча метафизика однозначных суждений об искусстве и о жизни. Но если быть вполне точным, то не скажешь, что воз и ныне там. Нет, сдвиги имеются. Но они еще явно недостаточны. По-прежнему ребята постигают только истину, оставляя в стороне мучительный путь к ней тех, кто добыл ее для нас. В «Доживем до понедельника» учитель истории говорит: «То и дело слышу: Герцен не понимал, Толстой не сумел, Жюльес недоучел... Слово в истории орудовала компания двоечников...». Да, худо, если борцы и мыслите-

коммунистической морали. Но под пером каждого писателя они окрашиваются его личностью, наполняются опытом его жизни.

Если я претендую на полурасчасовое внимание миллионов людей к моей работе, к моим героям, то мне что-то должно давать силы и право на это. Ибо ответственность головокружительна. Даже классики не имели такой огромной аудитории, к какой обращаются сегодняшние кинематографисты.

Что же дает мне это право? Разве неверно предположить, что если какая-то проблема глубоко волнует меня, то она способна затронуть, заразить и тех, кто вокруг меня? Она не могла родиться в воздухе моей комнаты, она пришла сюда из жизни, и я верну ее в жизнь, согретую моим волнением, умноженным на талант режиссера и артистов...

А парню моему не повезло с учителем, вот что я думаю. Нет, речь идет не только о школе. Давайте широко понимать это слово — учитель. Любимый взрослый человек, который способен оказать приподнимающее нравственное влияние на юную душу, достоин называться так.

Я убежден, что в юности каждый без исключения человек несет в себе такие истинно творческие побуждения, которые непременно должны быть поняты и оценены другим человеком. Если этот другой человек пользуется твоим уважением, если суд его строг и справедлив, то просто необ-